

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «ПЕТЕРБУРГ – МОСКВА» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

По представлениям культурологов, город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его семиотически насыщенной средой человеческого обитания. Ю.М. Лотман так характеризует текстовую структуру города: «Город представляет собой котел текстов и кодов, разноуровневных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [1, с. 5]. Понять городскую среду как текст – значит найти смысловые связи и закономерности, управляющие отдельными составляющими ее архитектурного облика, организующие их в единое целое.

Город становится и неким сакральным знаком, на который накладывается сетка символично-мифологических представлений. Он противостоит внешним стихийным силам природы и пытается привнести внутреннюю гармонию в отношения человека и природы, может превратиться в *городсад*. Кроме того, город воплощает идею организации пространства обитания человека (соотносясь с понятиями *род / дом / родина*), включая различные формы телесности: самого человека и внешнюю «телесность» (*жилища, здания, улицы*). *Город-тело* интерпретируется В.Н. Топоровым как продолжение человека вовне, это символическое тело человека, культурное, социальное, коллективное тело [2, с. 32]. Мифосимволическая структура города является проекцией основной космологической модели мира – мировой горы или мирового древа – на горизонталь. Трехчастное членение мировой вертикали на сферы жизни богов, людей и подземных демонических сил в проекции на план города выявляет в нем три культурно-исторические зоны: зону сакральности (власти), зону социальности (интенсивной межличностной коммуникации) и функциональную зону (скрытого мирового огня). Позже эта модель дифференцирована и усложнена. Так, сакральная зона разделилась на сферы священной (храм) и светской (дворец) власти; сфера социального пространства (торговая площадь) дополнилась множеством функций, а образ мирового огня и владеющих им демонических сил нашел воплощение в крайних промышленных зонах города.

Ю.М. Лотман в работе «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» выделяет два типа города в зависимости от его отношения к окружающей

его Земле: *концентрический* и *эксцентрический город* [1, с. 7]. *Концентрическое* положение города в семиотическом пространстве связано с идеализированной моделью вселенной, с образом города на горе, то есть расположенным «в центре Земли». Такой город выступает как посредник между небом и землей, вокруг него концентрируются мифы, он имеет начало, но не имеет конца. Идеальное воплощение своей земли, он может одновременно выступать как прообраз небесного града и быть для окружающих земель святыней. *Эксцентрический город* расположен на краю культурного пространства. Здесь актуализируется оппозиция «естественное – искусственное». Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращения естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели. Как правило, это – потоп, погружение на дно моря.

В русской культуре сложилось противопоставление Петербурга Москве, связанное с изменившимся соотношением этих городов. Как отмечает Ю.М. Лотман, размежевание столиц строилось по двум схемам. По одной из них бездушный, официальный, абстрактный, нерусский Петербург противопоставлялся душевной, патриархальной, уютной, русской Москве. По другой схеме Петербург как цивилизованный, культурный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, полуазиатской деревне [1, с. 16].

В концептосфере О.Мандельштама город становится предметом эстетического осмысления, потому что для поэта город – это упорядочивание бессистемного и спонтанного природного бытия, в результате которого возникает обжитый мир культуры-цивилизации. Семантическая оппозиция «Петербург – Москва», выстроенная О. Мандельштамом, является прямым продолжением мифосимволической традиции.

Воплощая образ Петербурга, О. Мандельштам опирается на «литературный миф», воссозданный в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Анненского, Блока. Признаки эксцентрического города поэт выводит в образе Петербурга – портового города: *«В столице северной томится пыльный тополь, Запутался в листве прозрачный циферблат, И в темной зелени фрегат или акрополь Сияет издали – воде и небу брат. Ладья воздушная и мачта-недотрога, Служа линейкою приемникам Петра, Он учит: красота не прихоть полубога, А хищный глазомер простого столяра. Нам четырех стихий приязненно господство, Но создал пятую свободный человек. Не отрицает ли пространства превосходство Сей целомудренно построенный ковчег? Сердито лежатся капризные Медузы,*

Как плуги брошены, ржавеют якоря – И вот разорваны трех измерений узы И открываются всемирные моря!» (Адмиралтейство). Метафора **фрегат – воде и небу брат** основана на ассоциативном сходстве по месторасположению: корабль плывет по воде – вода; парусами корабль соприкасается с небом – небо. Подчеркнутое родство **воде и небу брат** привносит в образ фрегата дополнительные смыслы: вода как реализация дихотомии **жизнь – смерть** может выступать в двух ипостасях: как спасительное, священное начало и как источник гибели; небо – источник жизни, но и его значение нередко соотносится со значением «пропасть, пучина, зияние» [3, с.76, 229]. Неопределенность сопоставление Петербурга подчеркнута союзом **или**, который вводит вторую часть метафоры – **акрополь**. Здесь реализуется сходство на основе формы и месторасположения: «Вообрази, что это то же, что и акрополь, укрепленная часть древнегреческого города, расположенная на возвышении». Метафорическим выражением образа **Петербург-корабль** являются вплетенные поэтом в единую ткань образы различных по форме и предназначению судов: **фрегат** – трехмачтовое военное судно; **ладья** – большая лодка; **ковчег** – ветхое судно как реминисценция **Ноев ковчег** (а первое значение – окованный сундук для сбережения чего-л.). Авторская метафора **воде и небу брат** затем повторена в стихотворении «На страшной высоте блуждающий огонь!»: «На страшной высоте блуждающий огонь, – Но разве так звезда мерцает? Прозрачная звезда, блуждающий огонь, – Твой брат, Петрополь, умирает! На страшной высоте земные сны горят, Зеленая звезда летает. О, если ты звезда, – воды и неба брат, – Твой брат, Петрополь, умирает! Чудовищный корабль на страшной высоте Несется, крылья расправляет... Зеленая звезда, – в прекрасной нищете Твой брат, Петрополь, умирает. Прозрачная весна над черною Невою Сломалась, воск бессмертья тает... О, если ты звезда, – Петрополь, город твой, Твой брат, Петрополь, умирает!» Идея обреченности Петрополя (Петербурга) подчеркнута повторенным образом **Петрополь – воды и неба брат**: в древнем сознании небо мыслилось как море или река; к воде (относящийся к воде, находящийся за водой) имело отношение и первоначальное значение понятия «потусторонний мир» [3, с. 77, 230].

Одновременно происходит отождествление Петербурга с Римом. Соединение в образе Петербурга двух архетипов: «вечного Рима» и «невечного, обреченного Рима» (Константинополя) создавало характерную для культурного осмысления Петербурга двойную перспективу: вечность и обреченность одновременно. Как и Петербург, О. Мандельштам соизмеряет Москву со своими излюбленными ориентирами – античностью, Римом, Италией – и оценивает как прекрасное и вечное: ...И пятиглавые московские

соборы *С их итальянскою и русскою душой...* («В разноголосице девического хора»). В национальной картине мира Москва является символом центра русской земли. И в концептосфере О. Манделъштама Москва – это центр мироздания. Так, метафору *колоколов дремучий лес* («О, этот воздух, смутой пьяный») можно интерпретировать как сумму слагаемых «колокол – дерево» и спроецировать на образ Москва такие характеристики мифологического дерева, как 1) центр мироздания, 2) музыка, гармония, порядок; 3) чудо, волшебство; 4) старый, бессмертный; 5) сзади задний [3, с. 134–142].

Если в концептосфере О. Манделъштама Петербург – это корабль, то Москва – повозка: «...*Она, дремучая, всем миром правит. Миллионами скрипучих арб она качнулась в путь...*» («Все чуждо нам в столице непотребной»). Арба у татар или турков – это повозка, телега различной постройки, у русских татар – это русская же крестьянская телега. Москва для поэта – это символ Востока в Европе и символ Азии в России. Образ *Москвы* – повозки определяет смысловую структуру развернутой метафоры *...нет, не спрятаться мне от великой муры за извозчичью спину – Москву*. Параллельно этим ассоциативным линиям выстраивается еще одна, проецирующаяся на ось Греция – Россия: «*Пролетка была с классическим, московским шиком, с высоко посаженным кузовом, блестящими лакированными крыльями и на раздутых до невозможности шинах – ни дать ни взять, греческая колесница*». Семантическая структура образа Москвы предстает как *арба, повозка, колесница* и читается так: «Представь себе, что это город закрытый, созданный для миссионерства». А потому зона его распространения горизонталь, в отличие от вертикали Петербурга.

По существу, явления Петербурга и Москвы в общероссийском контексте не столько взаимоисключающие, сколько взаимодополняющие, подкрепляющие друг друга. Оппозиция Петербург – Москва создавалась не только исторической необходимостью, но и «идеей провиденциальности, которая нуждалась в двух стратегиях, двух путях своего осуществления» [1, с. 22].

Л и т е р а т у р а

1. *Лотман, Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 2.
2. *Топоров, В.Н.* Пространство / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. – Москва, 1988.
3. *Маковский, М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – Москва, 1996.